

16+

Александр Токарев

Дом на проклятом месте

Фантастика и мистика

Александр Токарев

Дом на проклятом месте

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Токарев А. В.

Дом на проклятом месте / А. В. Токарев — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-5321-1649-8

Эта книга о мистических событиях, не всегда объяснимых, но всегда интригующих. Представлена в книге и гипотеза о том, как рождаются Боги и как заполняется Вселенная новыми жителями. Кроме того, читатель узнает о странных событиях, происходивших в деревне вампиров и в сторожке безумной ведьмы. В книге отведено место и отношению живой Земли к маленькой и не всегда доброй букашке – человеку.

ISBN 978-5-5321-1649-8

© Токарев А. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Кто умрет первым	5
Дом на проклятом месте	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Кто умрет первым

Защита от ненависти

– Все, реанимацию можно прекратить, бесполезно, – профессор Сизарев отвернулся от экрана монитора. – Это уже полумиллионный труп за какой-то месяц! Бред!

Аппаратуру отключили. Человек лежал в спокойной позе. В сознание он не приходил с момента приступа, и на его лице, покрытом багровыми пятнами, застыло несовместимое со смертью умиротворение. «Так, наверное, в старину варнаки-душегубы отходили после отпущения грехов, – думалось Сизареву. – Нет, этот даже и пикнуть не успел. Шел по улице – хлоп! И мешком на асфальт. Потом, как во всех подобных случаях, – багровые пятна по всему телу и смерть! Смерть, хоть это и парадоксально звучит, гуманная, как если бы кто-то задался целью умерщвлять людей, не принося им мучений... Гм, а ведь вооружен был покойничек – «макаров» при падении из кармана выпал. Зачем он ему?..

В реанимационную вошла сестра.

– Сергей Владимирович, вот данные за последние два часа. Особенно много смертельных исходов в частной клинике Петерсона, с теми же признаками. И в Сиднее у Джоэла...

Профессор безнадежно махнул рукой.

– Спасибо, Татьяна Афанасьевна. За грехи, видать, наши сия напасть. Стыдно вроде бы профессору на Бога уповать, а ничего не остается.

– И еще, Сергей Владимирович. Тут вам второй день подряд звонит странный человек, инженер, кажется. Он утверждает, что первопричина эпидемии ему ясна.

– Еще один непризнанный гений. Объясните ему, пожалуйста, Татьяна Афанасьевна, деликатно. Нет, мол, времени у профессора, люди, гибнут тысячами. Надо как-то их спасать.

– Он, Сергей Владимирович, говорит, что сконструировал какой-то прибор, и сегодня его уничтожит. Чудак, по всей видимости, этот инженер. Говорит, мол, возможности приоткрыть завесу тайны больше не представится никому. Он просит вас к телефону.

– Ладно, все равно не отвяжется. Знаю я этих изобретателей.

Досадливо махнув рукой, он прошёл к телефону и взял трубку.

– Слушаю.

– Сергей Владимирович, только не кладите трубку. Поверьте, я не сумасшедший. Суть болезни открылась мне совершенно случайно, во время работы с моим новейшим микроскопом, не имеющим пока аналогов. Я прошу вас присутствовать на решающем опыте. Вы честный ученый, я знаю. Для меня это немаловажно. И еще. Для опыта нам понадобится пораженная болезнью ткань.

– Как вас зовут?

– Игорь Павлович Родионов.

– Послушайте, Игорь Павлович, я сейчас очень занят, крайне занят. Позвоните, пожалуйста, через недельку.

– Не верите, Сергей Владимирович, жаль... Прибор будет сегодня уничтожен, так надо. Мне, в общем-то, все уже ясно, но хотелось бы уточнить кое-какие детали, чтобы не ошибиться. Жаль. Я, признаться, знал, что все так и будет, но рассчитывал на любопытство, заинтересованность человека, живущего наукой. Может быть, некий авантюризм... Ведь вы еще не стары.

– Гм, договорились. Жду вас в лаборатории. Вас пропустят.

– Буду через двадцать минут.

Профессор, бесцельно побродив по пустынным коридорам клиники, прошел в лабораторию. Из ее окон виднелся кусок парковой аллеи, упирающейся в ворота, которые уже не

закрывались. «Скорые» с воем пронеслись по двору, разбрызгивая мутные лужи. «Все везут. Мир, похоже, взбесился, а на дворе обычная осень. Странно, но почему у всех этих несчастных было оружие? Почти у всех. Здесь есть какая-то закономерность... Ага, вон, кажется, и этот... инженер-спаситель человечества спешит. Хитер-хитер, знал, на что напирать, как заговорил: авантюризм, вы еще не старый...».

По аллее торопливо шел человек в мокром дождевике. Он скользил по раскисшей листве и, стараясь сохранить равновесие, размахивал маленьким чемоданчиком. «Невелик чудо-прибор, – невесело усмехнулся Сизарев. – Да, батенька, дожил. Осталось вот только еще колдуна найти или к шаману на прием записаться, на камлание. Авось выручат». – Профессор уткнулся лбом в холодное стекло.

В дверь постучали.

– Пожалуйста, заходите.

Родионов был на голову выше профессора, небрит и худ. Глаза его, воспаленные и подернутые какой-то нездоровой пленкой, смотрели неотрывно на Сизарева. «Выпивает инженер, – почему-то решил профессор. – Да и полно, нормален ли он? Вот достанет сейчас из сакvojа кирпичик и тукнет по макушке».

– Изучаете? – улыбнулся Родионов. – Начнем, Сергей Владимирович?

– Ну что ж, начнем.

Инженер щелкнул замками и достал из чемоданчика микроскоп, по форме и размеру ничем не отличающийся от обычного. На вопросительный взгляд профессора Родионов усмехнулся.

– Да-да, Сергей Владимирович, прибор не отличается от стандартного микроскопа внешне, но здесь несколько иные принципы, которые допускают увеличение несравненно большее, чем у обычных микроскопов. К тому же, прибор обладает проникающим излучением, подобным рентгеновскому. Фантастика?! Да, может быть, но фантастика реально воплощенная в этом приборе.

Родионов погладил кожух микроскопа.

– Итак, давайте-ка, профессор, материал. Вот сюда, та-а-к... Здесь два окуляра, поэтому искомое мы сможем видеть одновременно. Ткань рассечена... Увеличиваю. Видите, какой зверинец! Удивительно милые создания, а какое изящество форм! Это ведь всем известные микробы. Признайте, Сергей Владимирович, в таком увеличении вы их еще не видели?

– Допустим, Игорь Павлович, но что дальше?

– Дальше? Увеличиваю. Ну, как?

– Какие-то прожилки... Ага – это ткань, оболочка микробов. Все, исчезло. Сплошная муть.

– Подождите-подождите, профессор, увеличиваю.

– Послушайте, коллега, по-моему, это какой-то лунный ландшафт.

– Нет, Сергей Владимирович, это вполне земной ландшафт, но в отличие от того, что я видел, изучая свою, не пораженную болезнью ткань, ландшафт здесь безжизненный. Увеличиваю.

– Игорь Павлович, что это?!

– Как видите, профессор, – поверхность планеты, изрытая громадными воронками; перекоренные механизмы, по всей видимости, – военные; останки людей. Словом, – последствия глобальной войны.

– Это невероятно, чудовищно! Я не верю своим глазам! Как вы все это объясните?

– Подобное я уже наблюдал. И у меня было время подумать. Правда, изучая свою ткань, я видел живых людей, точно таких же, как мы с вами, снующие машины и белые теплоходы, города, не уступающие по красоте нашим земным. Словом, то была копия земной жизни. А сейчас перед нашими глазами, уважаемый Сергей Владимирович, – вероятная модель планеты

после страшной войны. Мне кажется... нет, я уверен, что злоба и жестокость, копившиеся с момента зарождения человеческой цивилизации...

– Извините, вы считаете, что злоба и жестокость материальны?

– Да, так же, как и страдания, боль, испуг, мучившие веками людей. Все это копилось, концентрировалось в пространстве тысячи лет. Ведь люди удивительно изощренны в мучительстве себе подобных! Ничто в этом мире не исчезает бесследно. И поэтому наступил момент, когда раненая, полузадушенная злобой и отбросами промышленности субстанция, именуемая природой, решила защищаться от невиданного умного зверя, который уже окреп настолько, что посягнул на незыблемость законов мироздания. И природа не стала мудрить, создавая микробов-мутантов. Она слишком рациональна для этого. Природа просто скопировала человечество и, уменьшив его в миллионы раз, поселила в людей в качестве некоего предохранителя. И страшной заразы нельзя было придумать! Я вам не сказал еще про одно обстоятельство, которое, как ни странно, никого не насторожило. Все умершие пациенты при жизни были здоровы, но агрессивны и честолюбивы не в меру. Это я выяснил точно. И смерть их подстерегала лишь тогда, когда присущая им агрессивность формировалась в конкретный замысел, будь то убийство человека или чудовищный проект, заранее обрекающий живую субстанцию на вымирание. Последние два случая подтверждают это. Опасный вооруженный преступник, давно разыскиваемый милицией, и обычный чиновник по водным ресурсам – какая здесь связь? Я выяснил: и тот и другой принесли бы большие беды, осуществи они задуманное. Итак, моя точка зрения: при возрастании агрессивного потенциала или разработке преступного проекта исполнители-маньяки чувствуют легкое недомогание – предупреждение. Благодатная среда уже создана – злоба буквально висит в воздухе и пропитывает наши клетки. А едва замысел перейдет в конкретное его воплощение, как следуют цепная реакция и взрыв, смерть!

– Это спорно, Игорь Павлович, но близко к истине и чудовищно, чудовищно!

– Да, профессор, это спорно, и, чтобы не спорить, я сделаю сейчас вот так...

Родионов взял микроскоп и подошел к массивному сейфу с ядами.

– Игорь... – начал было Сизарев, но было поздно. Микроскоп разлетелся на куски.

Инженер тщательно потоптался на осколках и, собрав металлические части, швырнул их в открытый чемоданчик.

– Сергей Владимирович, веник бы сюда.

– Родионов, но ведь это же убийство! Это новые и новые жертвы, много жертв! В наших руках был ключ к разгадке.

– А нужна ли она, эта разгадка, доселе безмятежному, а теперь отчаявшемуся живому существу, которое мы называем Землей? Самооборона от убийцы – не убийство, Сергей Владимирович. Каждый волен защищаться, как может.

Обед

Сущность Оо быстро вползла в Овальный зал Храма Пищи и растеклась по выступам обеденного ложа. Ее фиолетовое тело пульсировало и вздрагивало в голодных спазмах.

– Не надо так торопиться, Оо, – мягко заметила ей сущность Тии. – Ты молода и хочешь есть, но разве ты не знаешь принципа Высоко Живущих – береги чувство голода, будь сдержанна, и ты насладишься сполна изысканным вкусом пищи, дарованной нам Великим Пространством.

– Я трепещу и не могу ничего с собой поделать, – простионала Оо. – Сегодня Великое Пространство как никогда медлит.

– Не кошунствуй, Оо, – заметила Тии. – Ты же знаешь, что Великое Пространство никогда не ошибается. До обеда осталось три единицы времени. Пора, Оо!

Сущности приняли форму воронок, раструбы которых накрыли отверстия в обеденных ложах. Тела сущностей заструились, жадно вбирая пищу.

Насытившись, они замерли неподвижно, постепенно растекаясь и неярко вспыхивая желтыми точками.

– Что это было, Тии? – спросила Оо. – Там, в семнадцатом отрезке времени?

Тии лукаво выстрелила снопом искр.

– Ты никогда не видела, как готовится пища, ниспосланная нам Великим Пространством?

Ах, да, ты еще очень молода и находишься на пестовании у главной сущности Бэа. Она строга, эта Бэа, и запрещает все, что может повредить вам, молодым и нежным. Мне ведом этот запрет. Но сегодня я пьяна от пищи и легкомысленна. Тебе тоже понравилось, Оо?

– Да, это было очень вкусно, как никогда, наверное.

– Ты хочешь увидеть, Оо, как это готовится?

– Я боюсь, Тии. Если Бэа узнает, нам несдобровать! Я вся трепещу как от голода... но я хочу увидеть!

– Bravo, Оо! Ты познаешь Великое Таинство получения жизненной энергии, которая движет нами, и пища будет еще вкуснее, ведь ты увидишь, как тщательно подбираются ее составные! Смотри!

Тии замерцала каким-то особенным неярким светом, соскользнула вниз, и обеденное ложе ушло в сторону, а его место занял большой экран. На нем загорелось одно из солнц Великого Пространства, отчетливо была видна какая-то выжженная равнина, по которой бегали мелкие двуногие букашки. Они направляли друг на друга короткие трубки, из которых вырывался огонь, и многие из букашек падали, обливаясь красной жидкостью.

– Они далеко, эти безмозглые производители пищи, – высокомерно сказала Тии. – Далеко и близко, ведь для нас, высших, нет расстояний.

Нежная Оо встрепенулась.

– Это пища! Я хочу есть!

Тии добродушно одернула ее:

– Нельзя, Оо, нельзя, еще не время. Мы и так нарушаем закон Священного Смещения пищи. Но ведь ты чувствуешь, Оо, они убивают друг друга, эти двуногие, им больно, ты смотри, как они мучаются! Им очень больно, но как это вкусно, Оо! Ты чувствуешь, как вкусна их БОЛЬ?! Только не поглощай ее, еще не время. И учти, что Великое Пространство готовит пищу не из одной боли, это было бы слишком примитивно. У них, этих существ, есть то, что они называют ЛЮБОВЬЮ. Смотри!

На экране крупным планом появились лица двуногих. Они слились. Потом слились их обнаженные тела, и сущность Оо почувствовала прилив пищи, прямой и острой, но в ней чего-то не хватало. Так казалось Оо.

– Ты разочарована, Оо, я вижу. Нет-нет, в мире этих жалких созданий есть и более питательные для нас вещи. И самый тонкий вкус имеет ТЩЕСЛАВИЕ, так они называют это.

На экране появился громадный зал, заполненный двуногими. Лица их были искажены злобой, а рты раззявлены в нескончаемом крике. Они бесновались, а над всем этим скопищем стояли несколько двуногих с сытыми лоснящимися лицами.

– Они думают, что вершат Судьбу, не зная, что уготовано им.

Тии насмешливо переливалась яркими цветами.

– Сейчас они пошлют этих многочисленных двуногих убивать друг друга, а ты видела, как ловко те это делают, там, в самом начале. И эти немногие, считающие себя очень умными, будут страстно ощущать свое всеисие, пускай и кажущееся им. Ведь те оставшиеся в живых двуногие придут и убьют их – вершителей судеб. БОЛЬ и ТЩЕСЛАВИЕ, особенно с добавлением ПОДЛОСТИ, ПРЕДАТЕЛЬСТВА, ОБМАНА – это так вкусно! Но, впрочем, все, Оо. Ты и так слишком много видела, и нам может не поздоровиться от главной сущности Бэа.

Экран погас, и сущности мягко заструились по боковым линиям Великого Пространства.
– Будь осторожна, нежная! С окраин Великого Пространства иногда приходят дикие Рохи. Они питаются... – прошелестела Тии уплывающей вперед Оо, но та не дослушала. Наливаясь розовым светом, она думала: «Как ничтожны эти жалкие букашки! Мы, высокие создания, дети Великого Пространства, вершим судьбу! Только мы. Как ничтожны эти... А-а...».

– Чем порадуешь, приятель. Ут брезгливо смотрел на Сеха, волочащего в грязной клешне изорванную сущность.

– Сегодня только этим, Ут. Все пространства Великого Кольца забиты этой падалью, возмнившей себя служителями Начала. Но мы докажем что это вздор и неплохо пообедаем. Так ведь, Ут?..

Таракан

Все летело к черту!.. Горные хребты, небоскребы, океаны, осатанелые толпы людей, фосфоресцирующие от страшных доз радиации... Все перемешалось в кипящей массе. Черное небо подпирали столбы огня, в которых сгорало все... все! И вплавлялись в толщу земли монолитные убежища свихнувшихся генералов. Раненая планета рычала как исполинский зверь, и агония ее была ужасна...

Генерал Скарней смеялся идиотским смехом. Он уже не мог спокойно смотреть на этого наглого таракана. Сорок лет строили генералу убежище и... все для того, чтобы остаться наедине с этой тварью?! Таракан деловито сучил лапками и ел пудинг. Было видно, как ходили его жвала. Генерал взял увеличительное стекло. Бестия!.. Он же в цилиндре и при бабочке!.. Видимо, уже галлюцинации.

Таракан, напряжив брюшко, выдавил капельку темной массы прямо на желтизну взбитого теста... Хлопнуло в соседнем отсеке. Скарней взглянул на приборы: отсек, по всей видимости, затопило раскаленной массой. Так, секунд двадцать у него еще есть...

Генерал смеялся. Эти очкарики опять напутали: выживут, мол, в случае Большой Войны одни лишь тараканы. Да, сейчас на планете из живых существ остались только он и этот таракан, не зря же Скарней столько лет строил убежище... Конечно, и оно не выдержит, никто и ничто не переживет конца света. Но таракан умрет первым! Генерал смотрел на это хрупкое существо, уплетающее его пудинг, и багровел от приступов смеха... Его палец, вздрагивая, опускаясь к блестящей спинке насекомого. Лопнула стена, и одновременно палец генерала превратил таракана в мерзкую слякоть. И не стало ничего...

Дом на проклятом месте

Лидия проснулась от чьего-то пристального взгляда и яркого света. Она вздрогнула в сонном еще, нервном испуге. «Почему здесь прожектор?», – мелькнуло нелепое. «Ах, это...». Сквозь стекло в упор глядела запавшими глазницами полная большая луна, еще не на ущербе и поэтому неонового-голубая.

Это пробуждение было почему-то неприятно Лидии. Она, скользнув босыми ногами по нагретым за день половицам, торопливо задернула занавески, сторонясь немигающего взгляда. «Господи, и луна здесь какая-то бесстыжая».

Было душно. Дети спали, разметавшись в перепутанных свесившихся простынях. В ногах у старшего свернулся клубком котенок, прибившийся к ним еще в городе. Породу ему тогда определили звучную – куцхар-крысоед, но был это обычный дворовой Васька в тигровую полоску. Лидия, невольно улыбнувшись, переложила теплого котенка на коврик у кровати. «Может быть, блохастый, надо вымыть». Котенок потянулся во сне и замурлыкал. Это тихое мурлыканье успокоило ее. Она поправила постели, легла и попыталась уснуть. Но давящее непонятное беспокойство словно бы заполняло комнату, стучалось, принимало какие-то неопределенные очертания. Лидии слышалось легкое потрескивание, как бывает при электрических разрядах. Лунный свет непонятным образом начал перемещаться по дому одновременно со странным потрескиванием. Вот он скользнул по глянцево блеснувшим половицам, осветил котенка... Тот зашипел и, оскалившись, вздыбил шерсть, глядя неподвижными фосфорическими глазами в одну точку. Прокричал ворон. Лидия чувствовала, что безумие охватывает ее, но, словно зачарованная, она отдернула занавески, не в силах оставаться в неведении. Там, за окном, размеренно и совершенно беззвучно, не касаясь земли, шли люди. Они были бесплотны и отбрасывали на поляну перед домом не тени, а неяркое мерцающее свечение. Лидия видела их лица, искаженные то страданием, то злобой. В этой чередой бесплотных тел непрерывно и равнодушно вершились кровавые трагедии. Вот на краю зияющей ямы стоит на коленях покорная женщина с ребенком на руках. Рот ребенка разинут в бесконечном крике. Выстрелы оборвали крик. Худое тело женщины дергается, и она падает вниз. Ее убийца на дне ямы палкой добывает ребенка и поднимает какой-то предмет. Лидия видит в его руке детскую соску-пустышку. Но в хладнокровного убийцу уже врезается зазубренный топор идущего сзади. Медлительно и бесстрастно жертве перебивают ломом ноги и вспарывают живот люди в погонах и фуражках. Их прошивают очередью из автомата идущие вслед. И снова движутся безответные жертвы, корчащиеся, агонизирующие в руках палачей. Но вот движение призраков ускорило. На сухой осине захохотал, захлопал крыльями филин, наклонив ушастую голову. Кровавая слеза выскользнула из глазницы побледневшей луны. В черном бору вдруг прошел ветер, вздыбил скрюченные сучья, завертел палую хвою и швырнул наотмашь в лицо спящего озера. Стон прошел по округе, и сразу стало тихо. Все кончилось.

Потрясенная увиденным и, сразу обессилев, Лидия с трудом добралась до постели. Сон навалился удивительно мягко и быстро.

Понутру Лидия проснулась свежая и отдохнувшая, словно не было ночного пробуждения и какой-то глупой чертовщины. Все виделось ей в другом свете. Слишком нелепыми казались пережитые страхи в яркое утро, играющее солнечными зайчиками на лаковых деревянных стенах. «Поменьше снотворного, милочка, да бросить курить непременно, а то скоро на метле летать начну в голом виде, – бодро приказала себе Лидия, откидывая легкое одеяло. – И довольно забивать голову мыслями о работе. Все! Легкий флирт, купание, много-много солнца и шашлык!..».

Лидия сладко зажмурилась, представляя себе гроздь пузырящихся соком кусков ароматного мяса на шампурах.

Они второй день жили в небольшом доме у озера. Дом этот в отличие от санаторно-лагерных щитовых вагончиков был срублен, как все деревенские избы, «в лапу» из толстых сосновых стволов. Старые бревна выглядывали из-под щегольской фигурной рейки, которой были обиты стены. В сенях сруб был обмазан для тепла слоем глины. Местами это покрытие растрескалось, и с пазов свисали клочья пакли и мха, похожие на спутанные седые волосы. Полдома занимала русская печь, казавшаяся в этом торопливом курортном укладе жизни совершенно лишней. Это еще раз подтверждало догадку Лидии, что их вселили в старую деревенскую избу, лишь подновленную снаружи.

Дом был выстроен на чистом бугре, окруженном соснами, а совсем рядом искрилось круглое озеро с голубой водой. Говорили, что дна в середине озера не достать из-за многометровой подушки мягкого ила-сапропеля. Еще рассказывали, что на дне среди пней и упавших деревьев стояли утопленники с открытыми глазами, зацепившиеся за острые сучья. Почему именно – с открытыми глазами, никто не мог объяснить, но так было таинственнее и страшнее, тем более что проверить это было невозможно.

Программу-максимум Лидия выполнила... Искупав в «лягушатнике» детей, она отправила их на обед и полезла в воду. Поплавав по-собачьи в голубых волнах озера, она минут десять принужденно пыталась вылежать на солнце, изображая удовольствие, пока, наконец, с отвращением не накинула на себя халат. «И охота ей...», – с жалостью она поглядела на соседку, худощавую зеленоволосую особу, ожесточенно подставляющую острые лопатки под солнце. «Мазохизм какой-то», – решила Лидия и уселась под грибок.

Случай пофлиртовать представился ей вскоре. С обеих сторон к Лидии подсели два субъекта. Дохнув на нее свежесъеденным винегретом, они глазами сняли с нее купальник и предложили водки. Лидия ушла в дом. Шашлык ей принесли из столовой дети на тарелке с крупной надписью «Общепит». Шашлык был бледный и холодный. Лидия, не жалея, отдала его местной казенной дворняге с раздутыми боками. Та посмотрела на Лидию влажными подхалимскими глазами и прошла мимо тарелки.

Остаток дня Лидия провела в доме, листая бездумно книгу и отчаянно скучая по работе. Потом она вышла на крыльцо, провожая взглядом падающее за лес солнце. Дети возились в песчаной яме-песочнице, вырытой в бугре неподалеку от дома. «Совсем я с ними не занимаюсь», – лениво-укоризненно отметила Лидия, не испытывая, впрочем, особых угрызений совести. Она пошла неторопливо вокруг бугра, вдыхая вечернюю свежесть. Закатный свет лежал на купах деревьев, выхватывая из темной зелени ярко охристые стволы сосен. На западе лес уже потемнел, стал таинственным и опасным, хотя, по сути, все это была зона отдыха, место праздного гуляния, быстрых знакомств нетрезвых мужчин с нетрезвыми женщинами. Здесь не покидало ощущение, что жизнь проходит где-то мимо и надо поскорее все ухватить, в два-три дня, в неделю, отпущенную тебе. Лидии было гадливо смешно вспоминать тех, подсевших к ней. Простые парни, наверное, какие-нибудь механизаторы из деревни Куреповка, Ивановка или как там еще?.. Надышались воздуха сомнительной свободы вдали от своих толстых жен, огрубевших в работе, выпили под столом водки в санаторной столовой и закуражились. В мыслях мяли, тискали руками ее городское холеное тело, раздевали глазами. А винегрет с усов забыли снять. Лидия невесело усмехнулась и пошла в дом, загнав детей спать.

В сенях она, уже который раз за день, споткнулась о кучу бересты, лежащей под порогом, и только сейчас заметила это. «Да что за издевательство такое?! – вскипела Лидия, вышвыривая кучу в траву у дома. – Опять мусора натаскали, не пройти!». Вместе с кусками бересты в воздух вспорхнул обрывок какой-то пожелтевшей фотографии. Лидия хотела, было, ее поднять, но, неожиданно зевнув, решила: «Завтра, все завтра».

Она проснулась ровно в полночь. Пристальный взгляд луны, казалось, прожигал задернутые занавески. Лидия замерла в ожидании чего-то, что обязательно должно было произойти. И ЭТО уже происходило. В неподвижной тишине послышались мерные грузные шаги. Дверь скрипнула и медленно раскрылась. «Она же на засове!», – мелькнула у Лидии дикая мысль. Прокричал ворон, и в дом вошла женщина в темной одежде. Пол прогнулся от ее неожиданно тяжелых шагов. Женщина остановилась, отыскивая незрячими глазами Лидию. Потом она согнулась почти до пола, на спине ее вырос горб, она страшно вскрикнула и, блеснув неподвижным взором, завертелась в бешеном вихре вокруг себя. По мере замедления движения ее горб становился все меньше, женщина засветилась неярким голубоватым светом и оторвалась от пола. Медленно подняв руку, призрак подплыл к Лидии, и она почувствовала, что ее охватывает удивительное спокойствие. Она увидела лицо женщины, обрамленное седыми прядями.

В глазах бледного призрака застыла тоска. «Не бойся, я не принесу тебе зла, – не открывая рта, проговорила женщина. – И не хочу тебя пугать, но на мне много грязи, я не готова войти к живым чистой, только через три обличья возможен мой путь. Ты это поймешь, когда будешь там. Но пока ты здесь, я тебе говорю: уходи из этого дома и забирай поскорее детей. Здесь плохое место и много мертвых вокруг. Ты видела их. Все они ушли из этого мира, когда правил ирод. Ты знаешь, о каком времени я говорю. Но до этого здесь жили мы. Мой Тадеуш был нездешний, но он любил меня и эти места. На душистом покрывале из трав, под пологом звездной ночи, на этом бугре в ромашках и васильках он взял меня. А потом мы строили наш дом из сосновых бревен, плачущих смолой. Лес тихо шумел вокруг нас. На заре роса тяжелила травы. Лунными ночами мы как две белые рыбки обнаженные купались в озере, и только лес видел нашу наготу. Потом пришли эти, в кожаных куртках, и озеро покраснело от крови. Тадеуш жег здешние леса и мстил тем, в куртках, но где-то сгинул. Я осталась одна в этом доме. А еще позднее здесь появились дети с горнами и барабанами, за ними – праздные люди и гулящие женщины. Они осквернили тишину, память мертвых и отняли у меня дом. Вот уже девять дней я вне этого мира и теперь вернулась, чтобы взять с собой мой дом. Я встречу Тадеуша, и мы снова будем вместе. А дом очистится в огне. Ты уходи отсюда и заведи детей. Они ни в чем не виноваты. А бересту я уже положила, положила-а-а, уходи-и-и...». Видение вздохнуло и растаяло в воздухе. Вслед ей захохотал филин, и дверь со скрипом закрылась. Лидия погрузилась в сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.